

"Наши люди постоянно не договаривают"

Лингвисты из Санкт-Петербургского университета завершили проект "Один речевой день", тенденции неутешительны: мы отказываемся от большинства слов, переходя на язык жестов. О результатах работы — руководитель проекта филолог Александр Асиновский.

— Кто участвовал в эксперименте?

— В исследовании участвовало 40 волонтеров — тех, кто согласился повесить на себя диктофон и записывать себя в течение дня. Отбор волонтеров происходил случайным образом: посредником был профессиональный психолог, мы лично не знаем ни одного из этих людей. Нас интересовала спонтанная речь. Бытовые разговоры записывали немало, в экспедициях, по телефону, в специальных студиях... Наши корифеи — Иван Бодуэн де Куртенэ и Лев Щерба — еще 100 лет назад говорили о важности изучения звучащей речи. Но только техника XXI века открыла принципиально новые возможности. То, что мы делаем, в принципе соответствует мировой практике исследования речевых дней. В других странах эта практика существовала давно: например, в Японии с чрезвычайным вниманием относятся к своей языковой норме. Речевые дни стали предметом описания в Британском национальном корпусе английского языка. Теперь мы сделали аналогичную работу для русского языка.

— Зачем изучать звучащую речь? И почему именно сейчас?

— Трудно представить женщину, которая выходит из дома, не посмотревшись в зеркало. Речевого зеркала, то есть представления о том, как мы говорим в повседневной жизни, у нас не было. А между тем устная речь очень важна. Ведь она доминирует в нашей самопрезентации. И потом, важно знать: каким количеством слов в день наш человек оперирует? Настолько они связаны между собой? Из этого и складывается речевой портрет. Безусловно, наша выборка пока недостаточно репрезентативна, неполна, выводы предварительны, многие факты требуют подтверждений. Но есть вещи, которые воспроизводятся тысячи раз уже на обработанном материале. Например, уже можно говорить о том, что русский язык скорее движется в сторону изоляции, а не в сторону аналитизма. Что флексии, выражающие грамматические значения — род, число, падеж, лицо глагола, те самые парадигмы, которые все мы мучительно осваиваем в школе, — в звучащей речи реализуются совсем не так, как на письме, или вовсе не используются.

— "И дальше — пару слов без падежей", как пел Высоцкий. То есть люди в общении легко обходятся без падежей и рода?

— Конечно, все очень индивидуально. У всех разное образование, уровень речевой культуры. Но при любом уровне образования и культуры все говорящие страдают от одного и того же — от дислингвии, разложения языка. Язык из средства выразительного раскрытия своего мира превращается в набор указательных местоимений. Мы не разговариваем, а показываем. Причем это есть и "интеллигентной" речи. Вот. Это. Тут. Как бы. Надо. Так. Здесь. Таким образом. Исчезает слово не потому, что мы куда-то торопимся или экономим усилия (хотя это тоже есть), но, главное, нам это вообще неинтересно, неважно. Языковая форма теряет свою культурную ценность. Получается, что нам не нужна роскошь выразительных возможностей нашего языка.

— Люди не хотят называть вещи, поступки, желания словами, которые приняты для их обозначения: почему это опасно?

— Вообще-то есть мнение, что вещи перестанут существовать, если их не будут называть. Понимаете, миссия языка состоит даже не в передаче информации, а объединении индивидуальных человеческих миров. В формировании согласия разных людей внутри одной культуры относительно мира. Язык — это их согласие. Чем лучше достигнуто это согласие, тем устойчивее культура. Как только согласие исчезает, мир рассыпается. Чем это опасно для культуры? Тем, что она будет неконкурентоспособна.

— Может быть, наш язык просто неконкурентоспособен? Мир изменился, а в языке нет многих современных понятий и терминов, которые нужны человеку. Вот он и вынужден руками показывать, а

не называть.

— Язык не ограничивает наши возможности что-либо называть, напротив, его возможности, вобравшие в себя колоссальный опыт нашей культуры, нам помогают находиться в гармоничном балансе традиционного и инновационного. Просто люди не привыкли их использовать. А причина тут в том, на мой взгляд, что многие люди в детстве, у себя дома не слышали нормальной русской речи. И еще одна догадка: язык чувствителен... к правде. Чем больше в окружающей действительности вранья, тем человек испытывает меньший интерес к речи.

— То есть, видя вранье и лицемерие, дети советских людей отказались от правильной речи, потому что в их понимании "гладкая речь" равняется обману?

— Мы сейчас строим гипотезы, для которых у нас нет экспериментального подтверждения. Но то, что эксперимент заставил нас прийти к таким догадкам, это тоже результат. Наше косноязычие выразительнее в смысле всяких интонационных пауз — законных, незаконных: это одна из попыток противостояния парадной риторике. Язык с большим трудом преодолевает привычку ко лжи. Причем сегодня это по-прежнему актуально.

Мы при эксперименте часто натываемся на бессвязность фрагментов речи, каждый из которых обладает отдельным смыслом — что-то вроде лозунга или слогана. И вот они в разговорной речи следуют один за другим, а между собой связаны плохо. Это особенно заметно в телевизионных ток-шоу: побеждают те люди, которые говорят бессвязно, а связанная, последовательная речь, интеллигентная проигрывает, потому что она звучит слишком... неестественно.

— А каким количеством слов оперируют наши люди в разговорах?

— Начнем с того, что язык чрезвычайно живуч. И лексический запас, которым мы располагаем сегодня, не так уж мал: 300 слов в день — это все-таки не 30-40 слов Элочки Людоедки. Повторяю, нас больше удручает бессвязность слов. Люди часто не понимают друг друга. Но опять же это происходит не от недостатка слов, а от неправильной связи слов. Говорят, а понять ничего нельзя. Возникает коммуникативная неудача. Что такое понимание? Понимание есть, если у собеседника реакция адекватная. А как это узнать? Перед всяким разговором вы примерно имеете в виду некий сценарий разговора. Если вы повторяете "ага-ага-ага", это еще не значит, что вы поняли. Но если вы в ответ подаете ожидаемую мной реплику, есть шанс, что вы меня поняли и услышали. Заметьте: мы слышим то, что понимаем.

Непонимание бесполезно для общей жизни. При более широком подходе мы поймем, что это общий сценарий жизни: люди не понимают друг друга и не хотят подстраиваться друг под друга. Никакие наши сценарии в коллективном существовании не оправдываются.

— Самое частопотребимое слово?

— Не.

— Забавно: ведь так начинают фразу гопники: "Не, слышишь..."

— Не — это граница. Просто говорящий отграничивается. Ставит границу, забор: не. Развитие индивидуализма — отграничивание от человека, общества, государства. Возможно, если число опрошенных мы увеличим в сто раз, это слово пропадет из разряда частопотребимых. Но задуматься о том, почему оно пока лидирует, не вредно.

— Какие еще тенденции заметны?

— Движение в сторону изоляции, где согласование слов не опирается на специальные грамматические средства типа флексий, низкая степень связанности на смысловом и грамматическом уровне, самоперебив. В реальности довольно распространена параллельная речь: люди, не замечая, говорят одновременно, видимо, считая, что то, что я говорю — это по делу говорю, а то, что он — ну ладно, я потерплю. Это не создает конфликта — ну поговорили одновременно, потом оба замолчали.

И конечно же хезитация — колебания, когда либо не знаешь, что сказать, либо не уверен, что это стоит говорить, и пытаешься заменить чем-то нейтральным. Сомнения заставляют тебя либо замолчать, либо замыкать заакать, зазкать. Наш человек очень часто недоговаривает. Если все постоянно недоговаривают, это отражается на общем состоянии языка. К тому же наш человек часто врет. Это, кстати, небезопасно для

здоровья. В десять раз увеличивается нагрузка головного мозга — если человек говорит осознанную ложь.

— Когда я слышу повседневную речь, меня, например, больше всего раздражает не мат — я к нему готов, допустим, а общая безликость, клишированность. Не слышно индивидуальной, эмоционально окрашенной речи. Раздражает сам по себе способ построения и ритм фразы. Язык становится бесчеловечным и безликим.

— Знаете, дискомфорт, который мы испытываем, связан с тем, что мы просто скучаем друг по другу. Чем общительнее, открытее человек, чем шире его сердце, тем больше он нуждается в том, чтобы мир вокруг был богат людьми. Открытость, реализованная в речи, надежнейший способ установления контакта. Сегодня мы с такой манерой почти не сталкиваемся, сегодня все наоборот. В клише самих по себе ничего плохого нет — если бы эти клише были клише открытости, доброжелательности. А наши люди, наоборот, используют клише для того, чтобы, не дай бог, не раскрыться. То, что контакт не возникает или натывается на стену, и почти уже неприлично вступить с незнакомым человеком в глубокий контакт — это веяние сегодняшнего дня. Замечу, что это мое личное предположение, которое не следует рассматривать как прямой результат нашей профессиональной деятельности.

— Сейчас многие сетуют на молодежный язык — на отсутствие в нем нормативного. Как вы к нему относитесь?

— Молодые очень разные. Их отличие в том, что они могут говорить по-всякому, по-разному. Много зависит от "домашнего языка", уровня образования. С приобретением речевого и жизненного опыта возникает уже самостоятельный речевой портрет. Но диапазон индивидуальных отличий у молодых, повторяю, особенно большой, как и разброс возможностей: они могут уходить в полнейшую несознанку, общаться при помощи одного мэканья и бэканья, а могут "цицеронить" с любого момента, заниматься языковой игрой. И мне кажется, что наши дети лучше нас. Но умение говорить хорошо не всегда является для них реальной ценностью.

— По речи современного человека нельзя теперь определить, кто он и откуда. Куда делись говоры, диалекты — их не слышно; все превратилось в усредненное деиндивидуализированное говорение.

— Такого рода стирание сегодня неизбежно. Культуре, конечно, приятно, когда люди говорят с нижегородским акцентом, или, наоборот, по-великоновгородски. Но слезы утирать по этому поводу совершенно бессмысленно. Я 30 лет езжу в одну и ту же псковскую деревню — небольшую, 12 дворов, достаточно глухую, на границе двух районов. И никаких дорог раньше. И вот в этом медвежьем углу раньше говорили с ярко выраженным яканьем, и именно эта речь понималась деревенскими как правильная, а городские, по их сильному якающему определению — "яврей": говорить правильно по-русски не умеют. То есть они своим говором гордились и считали его правильным. Теперь ценности поменялось. Те же самые люди в течение последних 10 лет перестали якать — почему? Просто потому, что в их голову вошли другие ценности, диктуемые в том числе и языковой нормой в телевизоре. А телевизор нивелировал диалекты, акценты, отменил все эти милые особенности речи, свел все к одной безликой норме.

— Это вообще свойство телевизора — усреднять.

— Для телевидения никакой катастрофы не было бы, если бы по местным каналам местное население и все интересующиеся могли бы слышать ту речь, которая свойственна этой местности — языковая дискриминация очень неполезна для общей культуры. И если бы это было представлено в естественных объемах, тогда бы бабки в псковских деревнях не переучивались с "псковского" на телевизионный. Нужен не выхолощенный канцелярит, а русский язык в его прекрасной выразительности, понятной общепринятой норме и территориальном разнообразии. Но этого не случилось. Телевидение само по себе не плохо — плох отбор, который там происходит.

Учитель устного Визитная карточка

Александр Асиновский (род. в 1951 году) — доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания филологического факультета СПбГУ. Окончил русское отделение филологического факультета Ленинградского университета, работал в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР. Работал в 10 лингвистических экспедициях на Чукотку, Камчатку и Командорские острова. В 1987 году создал лабораторию автоматизации лингвистических исследований в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР.

Новая лаборатория стала в институте центром применения вычислительной техники в лингвистических исследованиях. С 1997 года работает на филологическом факультете СПбГУ. Участвовал в международных проектах по русистике, общей фонетике и компьютерной лингвистике в Нидерландах, Германии и США. В 2003 году защитил докторскую диссертацию на тему "Сопоставительная фонетика чукотско-камчатских языков". Выпустил более 50 работ, в том числе две монографии.

Автор: Беседовал Андрей Архангельский © Ъ-Огонек ОБЩЕСТВО, МИР 👁 3966 08.02.2011, 11:35 📄 391
URL: <https://babr24.com/?ADE=91546> Bytes: 12738 / 12602 Версия для печати Скачать PDF

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Беседовал
Андрей Архангельский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)